

Дверь со скрипом отворилась, и из комнаты вышел крепко сбитый, смуглый мужчина. Он был весь перепачкан, в одной руке держал маленький нож, в другой — деревянную лопатку; к полам одежды прилипли опилки, так что с первого взгляда становилось ясно, чем он только что занимался.

— Что случилось? А это ещё кто? — спросил дядюшка Хуан, глядя на двух незнакомцев, что вдруг появились у них во дворе, у своей второй половины.

Тот вкратце рассказал ему о ситуации Чжун Цзыци.

Дядюшка Хуан оказался человеком прямым и сговорчивым:

— Хотите арендовать — арендуйте. Только вы ещё совсем молодые, так что скажу начистоту: на пристани делать торговлю тяжело. Если только у вас и вправду не выдающееся мастерство, рано или поздно вас всё равно вытеснят. У нас ведь так же вышло. Эту штуку поначалу как раз для него и сделали, да только ремесло у него самое обычное, ничего особенного, вот и пришлось в конце концов... Так что вам я бы всё-таки посоветовал хорошенько подумать. Если нет по-настоящему сильного навыка, лучше не браться — как бы не прогореть.

Вспомнив о собственной судьбе, старший Хуан сочувственно закивал.

Чжун Цзыци, впрочем, и сам был удивлён: он не ожидал встретить таких добросердечных людей. Мягко улыбнувшись, он спокойно сказал:

— Не стану скрывать от вас: мы с мужем только недавно отделились от семьи и теперь живём своим домом. В доме почти нет дохода, вот и пришлось искать выход здесь. Пока был жив мой ама, он учил меня готовить, так что в кухонном деле я немного смыслю. Мы слышим вашу добрую заботу и очень за неё благодарны. Но ведь есть вещи, которые, если не сделать, — у тебя не будет вовсе никакой надежды. А если рискнуть, то хотя бы останется лучик шанса. Разве не так?

Дядюшка Хуан изумился: не каждый гер сумел бы сказать такое. Невольно он покосился на юношу, что всё это время молчал и лишь тихо стоял чуть позади своего супруга.

Чжун Цзыци заметил его недоумение. Он чуть повернулся, взял Чжао Чжэнъяня за руку и с горькой улыбкой пояснил:

— Наверное, вы и сами удивляетесь, почему всё время говорю только я. На самом деле... у моего мужа травма, с головой случилось несчастье. — Он указал себе на висок.

— Ах вот оно что... Неудивительно, — с жалостью проговорил старик Хуан. — Бедный ты мой. Тебе, одному, да ещё и геру, и правда нелегко приходится.

— Эх... раз так, мы больше ничего говорить не станем, — покачал головой дядюшка. — Назови сам цену за аренду.

У супругов дети жили не рядом, и, глядя на этих двоих, они словно видели перед собой собственных.

Так Чжун Цзыци и арендовал у них эту маленькую тележку по очень низкой цене — восемь вэнь. В расписке отдельно указали: если что-то задержит их в пути, то меньше половины дня всё равно считается за половину дня, а меньше полного дня — за целый день. Тележку нужно

было забрать утром, а расплатиться — по возвращении. Восемь вэнь и без того были почти даром, а то, что деньги разрешили отдавать уже после работы, Чжун Цзыци целиком приписал доброте этих двоих: видно было, что они пошли на это лишь потому, что пожалели их.

Когда с самым важным было покончено, Чжун Цзыци почувствовал, как с плеч будто свалился тяжёлый груз. Он взял Чжао Чжэнъаня за руку, и они неспешно пошли гулять по улице. А тот понемногу тоже начал возвращаться к своей прежней живости.

Чжун Цзыци так тронула его послушная, почти трепетная ласка, что, проходя мимо торговца танхулу, он невольно остановился. Достав две монеты, он купил одну шпажку засахаренных ягод и протянул её Чжао Чжэнъаню:

— Держи, поешь.

Чжао Чжэнъань радостно принял лакомство, но, повертев его и так и эдак, всё не решался откусить.

Чжун Цзыци невольно рассмеялся:

— Ешь уже, а то сейчас сахар растает.

Услышав это, Чжао Чжэнъань тут же поднёс танхулу к его губам:

— Ты первый.

Чжун Цзыци на миг застыл, а потом вдруг светло улыбнулся и послушно съел одну ягоду.

— Ешь сам. Я такое не очень люблю.

Только увидев, что супруг откусил первым, Чжао Чжэнъань наконец успокоился и с довольным видом съел следующую.

Но сегодняшняя поездка в город была нужна Чжун Цзыци не только ради тележки. Он хотел заодно купить приправы и недостающие продукты. Если завтра всё удастся как следует подготовить, то, если ничего не помешает, послезавтра он уже собирался официально открыть своё дело.

Закупившись в лавке специями, они сразу направились к мясному ряду. И тут оказалось, что хозяин мясной лавки памятью не обделён: завидев Чжун Цзыци, он приветливо окликнул его:

— О, вы снова пришли! Ну что, хорошее у меня мясо, верно? Всё свежее, как и говорил!

Чжун Цзыци отметил про себя, что человек этот, похоже, неплохой. Да и впредь, вероятно, покупать придётся именно здесь, так что он охотно кивнул:

— Правда, мясо у вас и впрямь хорошее. Видите, я снова пришёл.

Мясник расплылся в улыбке от похвалы:

— Тогда что на этот раз берёте?

Чжун Цзыци протянул руку и указал не на мясо, а на груды костей, сваленных рядом:

— Вот это. Дайте мне пять цзиней.

— Сию минуту.

Мясник сноровисто собрал кости и завернул покупку. В те времена любителей погрызть кости или сварить на них наваристый бульон было немало, так что его такая просьба ничуть не удивила.

Расплатившись, Чжун Цзыци ещё немного побродил по рынку, а под конец заглянул в ту самую лавку, где в прошлый раз покупал рис и муку. Он помнил, что видел здесь рисовую вермишель. Для холодной лапши ему нужна была такая — упругая и достаточно тонкая, — но, похоже, в этом мире ничего подобного ещё не существовало. Обойдя лавку несколько раз, Чжун Цзыци в итоге был вынужден довольствоваться вермишелью: по текстуре она, конечно, уступала, но её скользкая, гладкая нежность тоже была по-своему хороша.

Купив вермишель, он заодно взял ещё немного муки, огромный глиняный кувшин — выше колена — и несколько тарелок с палочками. Тарелки и палочки он велел отнести к дядюшке Хуану, чтобы потом не таскать их туда-сюда каждый день, а вот кувшин нужно было забрать домой: в нём он собирался возить бульон.

Больше дел в городе не осталось, и Чжун Цзыци вместе с Чжао Чжэнъянем вернулись в деревню Чжао.

Когда они добрались домой, было ещё не поздно. Чжун Цзыци достал купленные кости, вымыл одну, разрубил и поставил в котёл вариться. Бульон томился больше двух часов. За это время он успел замесить тесто и раскатать лапшу, а потом сварил её на готовом костяном бульоне. Очень скоро по дому поплыл густой, тёплый, до дрожи аппетитный запах.

Минут через десять он выловил лапшу из котла и подал на стол. Мягкая, скользкая, нежная лапша и насыщенный, свежий аромат бульона — всё в этом блюде так и манило попробовать хоть глоток, хоть одну палочку... а после уже невозможно было остановиться.

Чжун Цзыци смотрел, как Чжао Чжэнъянь ест, шумно втягивая лапшу, весь вспотевший от усердия, и подумал, что если бы сюда ещё добавить кислых бамбуковых побегов, было бы вообще идеально. Да, именно суп с лапшой на большой кости и кислыми побегами он собирался продавать утром послезавтра. А в полдень — холодную лапшу, прохладную, освежающую, скользкую по языку. С такими необычными блюдами он вполне мог привлечь немало покупателей.

После ужина солнце уже село за горизонт, но последние полосы закатного света всё ещё лежали на дальних полях.

Чжун Цзыци, задумавшись, сидел на корточках во дворе рядом с Чжао Чжэнъянем и машинально выдёргивал сорняки. Мысли крутились одна за другой, пока вдруг его не осенило: есть серьёзная проблема. Бульон он ещё сможет сварить дома и привезти с собой, но как быть с водой? Не потащишь же воду из дома до самой пристани. А для холодной лапши нужна именно свежая, только что поднятая из колодца прохладная вода — иначе не будет того самого освежающего вкуса. Но и на пристани времени ходить за водой у него точно не найдётся. Дом дядюшки Хуана, конечно, недалеко... только вот кто станет её носить? Ни он сам, ни Чжао Чжэнъянь не могли отлучиться поодиночке.

Вот тут-то и вышла загвоздка.

Чжун Цзыци беспомощно вздохнул. И правда — что ни возьмись делать, всё оказывается не так просто.

— Жена, не расстраивайся, — мягко сказал Чжао Чжэнъань и протянул руку, осторожно разглаживая пальцами его сведённые брови, даже не задумавшись, что ладонь у него вся в земле. — Тебе грустно?

Неожиданное прикосновение к его лбу заставило Чжун Цзыци неловко вздрогнуть; по коже тут же побежали мурашки. Не успев даже подумать, он оттолкнул руку Чжао Чжэнъаня и сказал:

— Я не расстраиваюсь. Просто задумался.

— О чём задумался? — Чжао Чжэнъань, прижав к себе ушибленную ладонь, поднял на него ясный, невинный взгляд.

Теперь в нём уже почти не осталось той скованности, что держала его в первые дни; понемногу он снова становился таким, каким и был прежде, — беспечным, простодушным, совсем как ребёнок.

— Думал вот о чём... — Чжун Цзыци сделал паузу. — Послезавтра пойдёшь со мной в город торговать, хорошо?

— Торговать? — Чжао Чжэнъань чуть наклонил голову набок. — Так же, как сегодня было?

Чжун Цзыци на миг замер, а потом понял, что тот имеет в виду увиденное на пристани. Он кивнул:

— Да, именно так. Пойдёшь со мной?

Чжао Чжэнъань, не моргая, смотрел на него своими чистыми глазами.

— Куда жена, туда и я.

Чжун Цзыци невольно улыбнулся.

На следующее утро, после завтрака, он вместе с Чжао Чжэнъанем отправился к дому Чжао Нина. В это время в семье Чжао дома, кроме самого Чжао Нина и старика Чжао, никого не было: Чжао Баогэнь ушёл на подённую работу, а Чжао Шэн — в поле.

Чжун Цзыци с улыбкой поздоровался:

— Господин Чжао, хлопчете с утра?

Тот как раз подметал двор. Увидев гостей, он сразу опустил метлу и пригласил их:

— А, Цзыци пришёл. Заходите, заходите в дом.

Чжао Нин принёс две большие чашки воды — Чжун Цзыци и Чжао Чжэнъаню, — а сам потом сел в стороне и спросил:

— Цзыци, а ты чего пришёл?

Старик Чжао тоже смотрел с недоумением. С тех пор как Чжун Цзыци вышел за Чжао

Чжэнъаня, он всякий раз, приходя сюда, даже на порог не заходил. А теперь ещё и явился, приведя с собой мужа... Значит, наверняка пришёл не просто так.

Чжун Цзыци на миг задумался, подбирая слова, а потом спокойно заговорил:

— Дело вот в чём. Я собираюсь поставить на пристани лавку и продавать еду.

— Что? — первым не сдержался Чжао Нин. — Цзыци, ты... ты хочешь заняться торговлей?

Старик Чжао тоже нахмурился:

— Цзыци, да разве это дело? Тут даже вопрос не только в том, пойдёт ли торговля и будет ли с неё прибыль. Ты ведь гер — как тебе одному на людях показываться? Не говоря уж о деревенских пересудах, если вдруг случится какая беда, ты сам не справишься. А Чжао Чжэнъань тебя и защитить не сможет.

Услышав это, Чжао Чжэнъань тут же вскинулся:

— Смогу! Смогу защитить жену!

Сказав это, он тут же обернулся к Чжун Цзыци, будто ища у него подтверждения.

Чжун Цзыци мягко погладил его по голове, успокаивая:

— Конечно, сможешь. Я верю, что Чжэнъань меня защитит.

Только после этих слов Чжао Чжэнъань удовлетворённо сел на место и снова притих, словно послушный деревянный истуканчик.

Старик Чжао впервые видел, как эти двое держатся друг с другом, и невольно удивился. По виду Чжун Цзыци был терпелив и мягок, в нём не чувствовалось ни тени раздражения. Похоже, Чжао Нин и правда не солгал, когда рассказывал о нём в прошлый раз.

Чжун Цзыци продолжил:

— Я и сам понимаю все эти риски. Но посмотрите на наше положение: у нас всего три му земли, а урожай ещё не созрел. Из той одной связки монет, что была дома, после покупки самого необходимого почти ничего не осталось. Ни я, ни Чжэнъань не можем уйти на подённую работу. Если в доме не появится хоть какой-то доход, нам останется только сидеть и ждать смерти. Так уж лучше попытаться. К тому же я верю, что готовлю всё-таки неплохо.

Чжао Нин тут же закивал, вспомнив ту недавнюю вкусную трапезу:

— Цзыци, ты и правда очень вкусно готовишь.

Старик, как ни крути, был человеком посторонним и особо не мог вмешиваться в их дела, так что в конце концов лишь вздохнул и сказал:

— Раз уж ты всё для себя решил, то я больше отговаривать не стану. Если тебе что-то нужно — скажи. Чем смогу, тем помогу.

Чжун Цзыци улыбнулся:

— Я хотел спросить: у брата Шэн сейчас есть где подработать?

Старик явно не ожидал такого вопроса. Он уже успел мысленно подготовиться к тому, что у него попросят денег, а тут разговор пошёл совсем в другую сторону.

— Да нет, — ответил он. — Сейчас с подёнщиной не так-то просто.

— Тогда пусть брат Шэн поработает у меня, — сразу сказал Чжун Цзыци. — Я буду платить ему по десять вэнь в день. Как вам такое?

Вот тут старик и вправду опешил.

— Цзыци, да ты что такое говоришь? — вырвалось у него. — Ты ещё даже не начал торговать, ещё неясно, будет ли с этого хоть какая-то прибыль, а уже собираешься нанимать людей? Шутишь, что ли?

Чжао Нин тоже закивал, глядя на него так, будто хотел одновременно и пристыдить, и встряхнуть.

Подумав, старик добавил уже мягче:

— Денег с тебя не надо. Пусть Шэн просто ходит помочь. Всё равно он сейчас без дела. Заодно хоть мир посмотрит, а то совсем уж замкнутый стал.

Чжун Цзыци приоткрыл было рот, собираясь возразить, но старик только махнул рукой, не давая ему вставить ни слова, и спорить дальше стало неловко.

Перед уходом Чжун Цзыци попросил передать Чжао Шэну, чтобы завтра, ещё до рассвета, тот пришёл к нему. А заодно, уходя, он одолжил у семьи Чжао их ручную тележку.

Вернувшись домой, он достал кислые бамбуковые побеги и понюхал. Кисловатый запах уже появился; если дать им постоять ещё одну ночь, вкус должен стать ещё чище и насыщеннее.

С горячей лапшой всё было проще — для неё не требовалось слишком много всего. А вот с холодной дело обстояло совсем иначе: помимо приправ, нужны были ещё и свежие овощи — например, огурцы и хурма. Поскольку собственного огорода у них не было, Чжун Цзыци пришлось идти за овощами на участок семьи Чжао. Он сорвал больше двадцати огурцов и несколько десятков хурмы.

По его прикидке, этого должно было хватить. Если брать ещё, недолго и Ван Цуйхуа вывести из себя. Пока он решил сперва посмотреть, как пойдёт торговля. Если дело окажется выгодным, потом можно будет скупать овощи у односельчан — разумеется, только если это не станет идти в убыток.